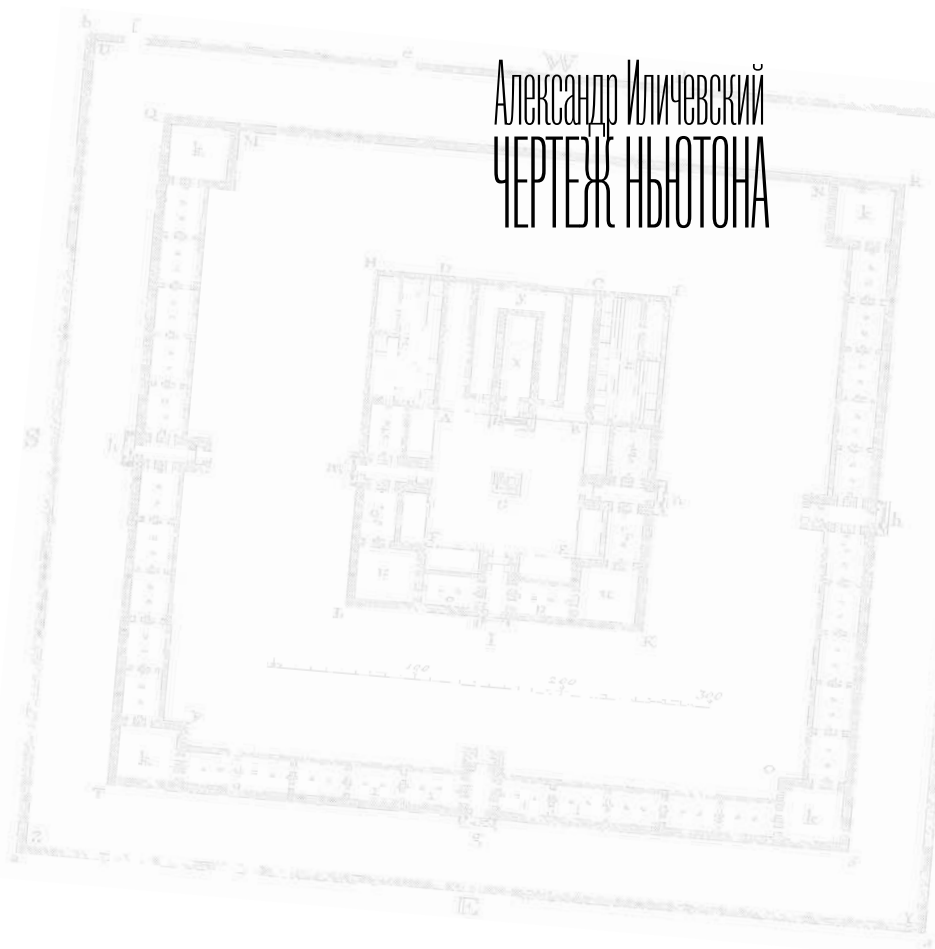

Александр Иличевский
ЧЕРТЕЖ НЬЮТОНА

Александр Иличевский
ЧЕРТЕЖ НЬЮТОНА
РОМАН

РЕДАКЦИЯ ИЗДАТЕЛЬСТВО
ЕЛЕНА АСТ
ШУБИНОЙ МОСКВА

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
И43

Художественное оформление АНДРЕЯ БОНДАРЕНКО

Иличевский, Александр Викторович.

И43 Чертеж Ньютона : роман / АЛЕКСАНДР ИЛИЧЕВСКИЙ. — Москва : Издательство АСТ : Редакция Елены Шубиной, 2021. — 348, [4] с.

ISBN 978-5-17-116544-4

Александр Иличевский (р. 1970) — прозаик и поэт, лауреат премий “Русский Букер” (“Матисс”) и “Большая книга” (“Перс”).

Герой его нового романа “Чертеж Ньютона” совершает три больших путешествия: держа путь в американскую религиозную секту, пересекает на машине пустыню Невада, всматривается в ее ландшафт, ночует в захолустных городках; разбирает наследие заброшенной советской лаборатории на Памире, среди гор и местных жителей с их нехитрым бытом и глубокими верованиями; ищет в Иерусалиме отца — известного поэта, мечтателя, бродягу, кумира творческих тусовок и знатока древней истории Святой Земли...

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-116544-4

© Иличевский А.В.
© Бондаренко А.Л., оформление
© ООО “Издательство АСТ”

Оглавление

ГЛАВА 1. Путешествие	7
ГЛАВА 2. На дне Юты и Невады.....	22
ГЛАВА 3. Леди в красном	35
ГЛАВА 4. Странник	44
ГЛАВА 5. Ссадина	52
ГЛАВА 6. Жена.....	60
ГЛАВА 7. В Мургаб.....	68
ГЛАВА 8. Станция.....	79
ГЛАВА 9. Работа	85

ГЛАВА 10. Отец.....	93
ГЛАВА 11. Четырнадцать терабайт	109
ГЛАВА 12. Пузырек	120
ГЛАВА 13. Корпускулы и волны.....	139
ГЛАВА 14. Шимон Леви.....	150
ГЛАВА 15. Лифта.....	178
ГЛАВА 16. Великое сокрытие	216
ГЛАВА 17. Министерство древностей.....	245
ГЛАВА 18. Дирижабль.....	266
ГЛАВА 19. Не Рим и не Париж	284
ГЛАВА 20. Ante Christum Natum	307
ГЛАВА 21. Храм.....	335

ГЛАВА 1

Путешествие

Я занимаюсь проблемой темной материи и много езжу по миру, принимая участие в работе различных научных сообществ, которые монтируют свои установки в горах, поближе к космосу. Но одно дело собирать данные, и совсем иное — уметь их прочитать и обработать; мое ремесло — понять данные лучше других. В то же время некоторые считают, что темной материи не существует, что все ее признаки, в том числе и загадочное поведение галактик, — это следствие того, что закон всемирного тяготения Ньютона на больших расстояниях следует видоизменить. Иными словами, закон тяготения не такой уж и всемирный. Среди сторонников модернизированного закона сэра Исаака Ньютона — мой отец. Нам с ним всегда было интересно вместе, хобби каждого — профессия другого. Однако мне пересмотр фундамен-

тального закона мироздания кажется избыточным построением, куда менее красивым, чем сама по себе тайна особой материи, занимающей бóльшую часть Вселенной, но при этом не вступающей с наблюдаемым миром во взаимодействие. Решение этой проблемы затрагивает массу важных знаний о Вселенной. Ведь что такое смысл, если не тайна в ауре понимания? Темная материя напоминает само сознание: его еще никто не смог локализовать в пространстве, хотя влияние сознания на наблюдаемый мир огромно. В сущности, нижеследующая история есть рассказ о том, как я искал темную материю, а в результате она сама нашла меня.

Вот эта мысль о разуме как *dark matter* снова занимала меня, когда я поглядывал то на индикатор уровня бензина, то на карту, пытаюсь оценить расстояние до пересечения с очередным меридианным шоссе — частью дорожной сети, наброшенной кое-как на Неваду. Южки — деревья Иисуса Навина — выскакивали по сторонам от дороги и проплывали, похожие на силуэты людей, вскинувших руки. Пространство лилось под колеса пятый час, и я пока не верил, что смогу пересечь Неваду, ощущая себя запершим между двумя линиями горизонта — впереди и в зеркале заднего вида, хотя стрелка спидометра не опускалась ниже восьмидесяти миль в час. Полотно дороги зыбилось в толще расплавленного воздуха, переливалось озерным блеском, небо стелилось под колеса, иногда ржаво вспыхивали и проносились мимо ка-

кие-то цистерны. Оказалось, если набраться мужества и выйти в этот адский зной, подойти и хорошенько пнуть одну из них, можно услышать всплеск в ее утробе, наполненной тухлой водой — спасением для путешественника, у которого закипел радиатор.

Сделав остановку, я обошел вокруг цистерны и увидел близ нее на песке черепаши следы. Когда-то в детстве я слышал рассказ бабушки, как в эвакуации в Ашхабаде ее семья спасалась от голода тем, что охотилась на черепах. Ранним утром, пока не началась смертельная жара, брали мешок и шли в барханы искать черепаши следы. Черепах приносили в барак, в котором жили несколько семей, и прятали до поры до времени. Мешок лежал под кроватью и все время шевелился. Самки весной ценились выше самцов, потому что из них добывались яйца — их жарили вместе с черепашей печенкой, а мясо разваривали, и тогда оно напоминало курятину.

Вдруг послышался шум мотора, и я оглянулся, сощурился, чтобы лучше видеть, как над потонувшей в мареве дорогой скользит патрульный самолет. Недаром то и дело попадались мне дорожные знаки с надписями *“Low Flying Aircrafts Patrole This Road”**. Удивленный, что я не один на сто верст вокруг, я поспешил застегнуть ширинку и зашагал к машине, показывая пилоту большой палец: мол, все в порядке, беспокоиться не о чем, — но пилот уже делал разворот. Через минуту полицейская

* Воздушный патруль (англ.).

“Сессна” с ревом пронеслась над моим “Эквиноксом”, успевшим набрать прежнюю скорость, покуда я думал о черепахах, о том, что мешок с копошащимися рептилиями, наверное, гремел и стучал — панцирь о панцирь, панцирь о пол. Пилот качнул крыльями, и самолет заскользил к очередному хребту холмов — застывшему складками эху столкновения тектонических плит, породивших Сьерру. Эти хребты были единственным, что могло прервать безграничную линию горизонта, и я мчал от одной складки к другой, чтобы там наконец полететь в гору, заложить вираж, другой, третий, перевалить через хребет и, теперь спускаясь, снова поразиться простирившемуся блюду пустыни.

Я приложился к бутылке с минералкой и, жадно слглатывая воду, вспомнил, как утром в гостиничном номере Лас-Вегаса раздался первый звонок от жены; но связь прервалась, я только успел услышать: “Ты где?” — как экран погас: разрядился аккумулятор. Отец протянул мне пиво, я покачал головой, припомнив его же поговорку “Похмеляются только слабаки и сверхчеловеки”, — тут как раз швейцар заглянул в лобби и сообщил, что подъехало такси везти нас в аэропорт.

С отцом мы раза два в год видимся в различных точках планеты, поскольку оба любим путешествовать: я по необходимости — мотаясь по конференциям, симпозиумам, лабораториям; он из любопытства. Живя в Иерусалиме, где я бывал у него частым гостем, он, если я отправлялся в какое-нибудь экзотическое или интересное место, покупал билет, и мы поселялись обычно в одном гостинич-

ном номере. На посадке и в самолете отец был словоохотлив; когда-то он мне объяснил: “С похмелья больно думать, и вместо этого я разговариваю, потому что думать и говорить одновременно невозможно”. “Вот скажи, — говорил перед взлетом папка, — скажи, дружок, ты знаешь, как распознать продажную женщину? Допустим, ты приехал в Вегас, заселился в номер, спустился в бассейн и видишь прекрасную незнакомку. Вот как понять, можно с ней за деньги или нет? По двум признакам. Продажная женщина намазывает на себя все дармовые кремы, какие найдет на полках в раздевалке. Ты приходишь в бассейн, а она сидит и вся мажется солнцезащитным, увлажняющим, для ног, для рук. И как только ты заметил, что перед уходом она кидает на пол полотенца, ушные палочки, салфетки, одноразовые расчески, знай: ты на верном пути. Всё в их жизни одноразовое, и это формирует привычки”.

Наш “Эмбраер”, летевший в Сан-Франциско, уже набрал высоту, понемногу поворачивая к океану, к прибору ледяного течения, идущего вдоль побережья от Аляски — к волнам, что ворочались и бились в бухточках и скалах Биг-Сура, рассекались в заливе Монтерей плавниками косаток, похожими на тонущий рояль, и в лучах стального затуманенного солнца вспыхивали китовыми фонтанами. Стюардессы стали разносить напитки, я попросил воды. Сделал глоток и, прикрыв глаза, вспомнил, как проснулся утром от того, что нечто заклацало, захлопало прямо над головой. Я приоткрыл один глаз и увидел птичьи лапы, крыло. Чай-

ка, обитавшая неподалеку на водохранилище, привлеченная распахнутым окном и фруктами на блюде, вращая желтым глазом, заскользила, зашаркала и прыгнула на пол. В точности так же нас с отцом разбудила чайка когда-то в Бомбее, но тогда все происходило на побережье, а не посреди пустыни в Неваде. Впрочем, я давно уже стал замечать, что сознание с трудом способно быть развернутым во времени, все события воспринимаются им скорее как одновременные. Вот почему так отчетливо птица вызвала в памяти ту поездку на конференцию в Бомбей, точнее то, что от нее осталось. Например, как мы с папашей сосредоточенно шагнули на обложенную тенями, затянутую ароматным дымом улочку — и оба заробели, посмотрев друг на друга. В той улочке тогда мы успели кое-что узнать об улыбчивых тайках с необыкновенно сильными руками, которые, прежде чем поцеловать вам локоть, делали затяжку, хукка булькала, и чуткие их губы соскальзывали с тонкого, как цыганская игла, медного мундштука. “Всё сводится к эросу, — объяснял мне потом отец. — Все наши чувства, и любовь, и ненависть — только разная степень наличия или недостатка эроса. И стремление наше к знаниям есть по сути та же любовь, прокаленная силой разума”. Помню, я слушал его, постепенно теряя себя, чувствуя, как голова, плывущая в дурмане наслаждения, обертывается шелковыми алыми полотнищами, просвеченными луной и наготой.

У отца хватало странностей, и одной из них было то, что он по всему миру возил с собой фотопортрет Ингрид Бергман в рамке и доставал из

рюкзака, чтобы водрузить на прикроватную тумбочку в отеле, считая, что актриса отражает образ плетущей облака богини любви Фригги. Фотку Ингрид он носил с собой в бумажнике и при случае показывал в борделях и сутенерам, прося подобрать похожую девушку: *"This is my goddess, I want someone like she"**. Я привык и к этому кошмару (человек не блоха, ко всему привыкнет), и, случилось, таскался за сжигаемым любопытством отцом и по дымящимся вертепам, и по благородным домам терпимости — при том что не только не понимал и стыдился этой его причуды с Бергман, я вообще стеснялся европейцев, в отличие от не слишком важничавших, но ловких, деловито покладистых девушек с оливковой дурманной кожей.

Помню, однажды мы ехали через весь Цейлон на поезде. Сначала долго бродили по переполненным вагонам, пока отец по одному ему понятным признакам в одежде, в амулетах, в том, как прибраны волосы у пассажиров, пытался распознать кастовую принадлежность тех или других. Окна были выбиты, поезд не шел, а плелся, и мы по лесенке между вагонами вылезли на крышу. Там, сидя на хребте состава перед текущим, словно берега вдоль реки, пейзажем, глядя на завешенные вечерним паром чайные террасные холмы, на склонившихся над охалками нарезанных веток слонов и на махавших с порогов лачуг детишек, впервые обсудили рабочую идею, которая будет занимать меня следующие несколько лет. Мы заговорили о Ньютоне, о том,

* Это моя богиня, хочу кого-то, как она (англ.).

что пришла пора и науке, и религии опомниться и попробовать чему-нибудь научиться друг у друга. Научное отношение Ньютона к теологическим аспектам бытия мы решили считать символом подобного отношения.

Тогда же я поделился с отцом своей задумкой, касающейся Памирской станции, где когда-то наша институтская группа отбывала летнюю практику. Едва ли не с тех же самых пор, в эпоху развала советской науки, станция была заброшена, но продолжала в автоматическом режиме собирать данные. Извлечь и осмыслить эти показания едва ли мог кто-нибудь в мире из-за их чрезвычайной плотности. Представьте себе лист бумаги, на котором некий текст написан в три слоя. Его практически невозможно прочесть. А теперь представьте лист с десятью слоями текста. Такая страница выглядит полностью вымаранной, и ни о каком прочтении речи быть не может. Я же, занимаясь физикой высоких энергий, разработал программный комплекс, способный прочесть и двадцать, и тридцать слоев данных. Кроме того, самым главным событием на конференции в Лас-Вегасе стало признание Янга, что его лаборатория разработала высокоточные способы распознавания треков*, и при определенной модификации они могли бы оказаться успешными в чтении данных высокой плотности, таких, например, какие могут быть обнаружены на станции “Памир-Чакалтая”. Таким образом, было поло-

* Трек — след, оставляемый в среде движущейся заряженной частицей.

жено начало гонке между научными организациями по выемке Памирской станции, и я в нее включился, поскольку мой собственный метод распознавания треков был на порядок эффективнее и точнее существующих.

Мне тогда показалось, что на том цейлонском поезде мы въехали в самый хрусталик холмов, крытых куполом сгущавшейся на востоке звездной глубины. Как только сошли с поезда, отец исчез и появился, уже осведомившись у таксистов о ночлеге. Ночь мы провели в соседних открытых бунгало, стоявших в бамбуковой роще. Но прежде портье отвел нас к водоразборному фонтану, где под фонарем мы помылись вместе с мальчишками, которые с воплями бегали друг за другом, обливаясь из тазиков. Белый буйвол, поджав ноги, лежал неподалеку, как спустившееся на землю облако. Еще я запомнил жемчужный блеск белков ласковой сингалки, что поднесла к моему лицу шкатулку и открыла — оттуда выпорхнули лимонницы и запутались в волосах, — и тогда она опрокинула меня на спину и потекла шелковой рекой поверх. Потом я лежал, прислушивался, как шелестел бамбук, как по антимоскитному балдахину соскальзывали гекконы. С европейками ничего похожего я не испытывал. Вот и от вчерашнего дня осталась только чайка, привлеченная в окно остатками скромного пиршества.

В аэропорту Сан-Франциско, распрощавшись с отцом, спешившим на пересадку, я отправился в рентовую контору, получил ключи от “Эквинок-